

Наказание и концепция восстановительного правосудия в уголовном праве

© 2024

Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

*Дальневосточная пожарно-спасательная академия –
филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, Владивосток (Россия)*

E-mail: dvpsa@igps.ru,
antovadim@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

Поступила в редакцию 24.04.2024

Принята к публикации 21.05.2024

Аннотация: Актуальность работы определяется необходимостью дальнейшего приращения научного знания по проблемам противодействия преступности средствами уголовного права, а также важностью постижения сущности уголовного наказания, которая имеет сложный и противоречивый характер, проявляющийся в лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления. Целью работы является поиск наиболее рациональных свойств наказания, способных положительно воздействовать на количественные и качественные показатели преступности. Причинение неблагоприятных последствий преступнику имеет в своем основании исторически сложившуюся на всем протяжении существования человеческой цивилизации практику мести, основанную на иррациональных свойствах эмоциональной сферы человека. Эти свойства наказания неизбежно проникают за пределы пенитенциарной сферы и отражаются на всем обществе. Сегодня отечественная уголовная политика не способствует сокращению преступности; наоборот, увеличивая количество преступлений и осужденных за них (через криминализацию деяний) и ухудшая качественные показатели преступности (через широкое применение лишения свободы, способствующее дегуманизации общества и профессионализации криминальной сферы), она осложняет криминальную ситуацию. Гуманизация «тюремных» отношений могла бы стать существенным фактором общепреventивного воздействия на преступность. Автор считает, что усилия правоохранительной системы государства должны быть направлены не на месть, пусть и получающую в терминах «возмездие», «воздаяние» облагороженные коннотации, а на возмещение вреда, причиненного преступлением, и на изоляцию индивида, представляющего, в силу совершенного им деяния, общественную опасность. Этот подход неизбежно связан с гуманизацией уголовно-правовых отношений и рационализацией наказания, которые нужны обществу не менее, чем индивидам, наказываемым за совершение преступлений.

Ключевые слова: уголовное наказание; восстановительное правосудие; уголовное право; возмездие; преступление; возмещение вреда; гуманизация наказания.

Для цитирования: Антонченко В.В. Наказание и концепция восстановительного правосудия в уголовном праве // *Jus strictum*. 2024. № 2. С. 11–18. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-2-11-18.

ВВЕДЕНИЕ

Наказание (кара, возмездие, воздаяние) всегда совершается путем причинения неблагоприятных последствий преступнику. Государство выполняет эту задачу, пользуясь монополией на насилие, закрепленной в праве. Актуальность исследования уголовного наказания определяется обоснованными сомнениями в его эффективности и способности достигать целей, указанных в уголовном законе, выполнять задачу контроля над преступностью. Проблема наказания, как одного из базовых институтов уголовного права, обусловлена противоречием, требующим разрешения: почему, несмотря на тысячелетнюю историю наказаний, в том числе разнообразных и жестоких, состояние преступности в обществе остается в целом неизменным?

Наказание как возмездие преступнику и одновременно превентивное устрашение других людей рассматривалось еще в работах древних философов Плато-

на и Аристотеля¹. Принцип талиона получил свое обоснование в теистических воззрениях на человека и его связь с обществом: «око за око, зуб за зуб». Со светских позиций учение о возмездии в своих трудах развивают Г. Гроций и Т. Гоббс². Ч. Беккариа в работе «О преступлениях и наказаниях» (1784 г.) доказывает, что соответствия между тяжестью преступления и наказанием за него требует общественная нравственность³. В Европе XIX в. особую значимость в области уголовной политики и наказания приобрели труды немецкого социолога-криминалиста Ф. Листа, скептически

¹ Асмус В.Ф. Платон. М.: УРСС, 2005. 158 с.

Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М.: Эксмо, 2008. 958 с.

² Мележик И.Н. Правовые и политические учения в Голландии и Англии периода ранних буржуазных революций: (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк). М.: Дружба народов, 2003. 46 с.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2011. 182 с.

относившегося к возможностям наказания и полагавшего лучшей уголовной политикой политику социальную⁴.

В России проблемы уголовного наказания освещались в работах Л.С. Белогриц-Котляревского, С.В. Познышева, Д.Н. Сергеевского, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева и других видных ученых-юристов конца XIX – начала XX вв., стоявших на позициях абсолютного ретрибутивизма (воздаяния и кары как функции наказания) либо относительного утилитаризма (исправление преступника, предотвращение совершения новых преступлений). После 1917 г. наказание понималось как «мера социальной защиты» (Основные начала уголовного законодательства СССР 1924 г.), что послужило идеологическим обоснованием превентивного, т. е. необоснованного (в том числе и внесудебного) применения репрессивных мер к лицам, не совершавшим преступлений, но признанным общественно опасными. В этот период работы исследователей данной сферы (А.А. Пионтковский, Л.М. Саврасов, Н.В. Крыленко и др.) носили исключительно идеологизированный характер. В 50–60-х гг. прошлого века преодоление тяжелого наследия культа личности И. Сталина и связанных с ним массовых нарушений законности потребовало от ученых разработки новой теории наказания: его понятия, содержания, целей и принципов, а также видов и системы. Эти вопросы освещались в работах Н.А. Беляева, И.М. Гальперина, А.А. Герцензона, И.И. Карпеца, М.И. Ковалева, А.Н. Трайнина, Б.С. Утевского, М.Д. Шаргородского и др. Проблемы уголовного наказания, его содержания, криминологической обусловленности и эффективности получили отражение в трудах Г.А. Аванесова [1], С.В. Бородина [2], Я.И. Гилинского⁵, Ю.В. Голика [3], А.Э. Жалинского [4], В.С. Комиссарова с соавторами [5] и других ученых, внесших неоценимый вклад в исследование данной сферы. Анализ научных работ, законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить реальную интегративную цель всякого наказания, которая сочетает в себе элементы теорий устрашения, исправления, предупреждения, а также утилитарной теории и теории заглаживания вреда.

Несмотря на большое количество научно-теоретических работ в этой сфере, современное знание о наказании нельзя назвать достаточным. Достоверные данные о том, что карательные меры государства и широкое применение уголовных наказаний положительно влияют на состояние преступности, сегодня, как и столетия назад, отсутствуют. Это требует существенной ревизии знания о наказании для достижения им более развитой формы.

Цель исследования – анализ существа наказания, его свойств в рамках культурной практики, а также современных результатов в сфере противодействия преступности; выявление рациональных свойств наказания, не подверженных влиянию культурно-исторических заблуждений, препятствующих целям правоохранения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами настоящего исследования послужили правовые идеи и концепции, ставшие фундаментом юридической науки и правовых систем цивилизованных стран (Г. Гроция, Т. Гоббса, Ч. Беккариа, Ф. Листа и др.), творческое наследие отечественных ученых-юристов, много сделавших для становления правовой системы России (А.Ф. Кистяковского, И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева и пр.), труды авторитетных ученых в области криминологии, уголовного права и теории наказания (А.Э. Жилинского, Я.И. Гилинского, Н.А. Лопашенко и др.), а также обширный эмпирический опыт автора, полученный им при прохождении службы в правоохранительных органах.

Культурно-исторический контекст обуславливает разнообразные подходы к пониманию наказания, а релятивизм представлений о морали, нравственности и праве оказывает непосредственное влияние на природу права и существо государственного принуждения. Взгляды на концепцию наказания подвержены влиянию различных доктрин теории права и философии права. Используя интегративный подход к правопониманию, основанный на представлениях о праве как единстве правовых идей, норм и отношений, автор обращается к диалектическому и аксиологическому методам исследования.

Для фиксации и интерпретации правовых явлений прошлого, помогающих пониманию современной правовой ситуации, автор использует историко-правовой метод исследования конкретно-исторического материала. Особую роль в исследовании существа наказания играет также психологический анализ правовой деятельности, позволяющий адекватно оценить его смысл и содержание и заставляющий автора использовать междотраслевой подход.

Логика проведения исследования обусловила выделение следующих этапов работы:

1. Выявление путем историко-семантического анализа понятия, смысла и значения феномена наказания как публично-властного воздействия государства на нарушителя установленных законом предписаний.
2. Краткий анализ психоэмоционального воздействия: а) преступного деяния на потерпевших и общество; б) наказания на потерпевших и общество; в) наказания на правонарушителя.
3. Оценка наказания как иррациональной антиценности, затратного и опасного средства воздействия на общественные отношения, увеличивающего социальную энтропию.
4. Обоснование тезиса о необходимости сокращения вреда от наказания через изменение его цели, которой должно стать максимально возможное восстановление нарушенной преступлением ценности (блага).
5. Актуализация вопроса о гуманизации уголовной политики, наказания и всей уголовно-правовой сферы. Предложение мер по совершенствованию применения наказаний, связанных с изоляцией человека от общества, и их исполнения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

У понятия «наказание» существует множество синонимов, которые придают ему разного рода оттенки и смысловые коннотации: о суровости наказания («кара»),

⁴ Лист Ф. *Наказание и его цели*. СПб.: И. Юровский, 1895. 72 с.

⁵ *Уголовное право. Общая часть. Наказание: в 10 т. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания / под. ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2020. 679 с.*

о равных для преступника последствиях («талион»), о справедливости («возмездие»), об участии в деле высших сил («воздаяние») и т. д. Уголовное наказание является мерой принуждения, оно имеет определенные количественные пределы и является наиболее репрессивной мерой государственного принуждения [6]. Институт наказания, тесно связанный с эмоциональной сферой, отражает субъективное отношение к наказанию как следствию преступления для всех участников, вовлеченных в уголовно-правовые и пенитенциарные отношения. Указанные выше термины и обозначаемые ими явления относятся к преступнику, который должен претерпеть для себя неблагоприятные последствия самого широкого спектра: от негативных эмоций и чувств (стыд), помещения в положение, вызывающее презрение (позор), до материальных утрат, причинения физической боли и даже смерти.

И.Я. Фойницкий считал, что наказание заключается в причинении или обещании причинить наказываемому какое-нибудь лишение или страдание и направлено против какого-нибудь блага, принадлежащего наказываемому – его имущества, свободы, чести, правоспособности, телесной неприкосновенности, а иногда даже против жизни⁶. В данном контексте наказание совершенно не влияет на положение потерпевшего – не восстанавливает нарушенную ценность и не компенсирует причиненный вред.

Н.С. Таганцев, выявив, что в уголовном процессе потерпевший находится на «заднем плане», задавался вопросом о том, что если правоохранительная система не учитывает его интересов, то где основания для воздаяния и нравственности? Может ли их заменить польза и целесообразность и в чем она: в лишениях и страданиях преступника? На чем основывается право карать нарушителей и чего государство желает достигнуть, наказывая таким образом⁷?

Вместе с тем потерпевшему безразлична судьба преступника. Отрицательные эмоции, всегда возникающие при столкновении людей с преступлением (гнев, печаль, злость, страх и др.), требуют своего удовлетворения. Нередко потерпевшая сторона требует для виновного наиболее сурового из возможных наказаний. Эмоции встраиваются в культурные практики; благодаря продуктам культуры формируется общий эмоциональный язык, общий опыт эмоциональных переживаний, который гораздо шире и разнообразнее индивидуального опыта человека [7]. В случае причинения тяжких преступлений против личности сурового наказания (кары, возмездия и т. п.) для преступника требуют, как правило, и посторонние лица. Проявляется этот феномен при ознакомлении общества с ужасающими подробностями совершения жестоких преступлений (массовых убийств, насилия над детьми и женщинами и т. п.). Психологическое воздействие картин жестоких преступлений на эмоциональную сферу человека порождает желание симметричного (жестокого) ответа преступнику; ответа, который, однако, уже не в состоянии ничего исправить или компенсировать.

Гнев граждан и всего общества в отношении преступников, особенно в случае совершения резонансных преступлений против жизни, в большинстве случаев обоснован. Мучения преступника, видимо, способны удовлетворить жажду справедливости людей, пострадавших от преступления, их родных и близких, а также всякого, кто сопереживает их страданиям. Поиск справедливости как универсальной ценности приводит человека и общество к поиску виновника своих бед – того, кто должен понести заслуженную кару.

Н. Кристи приводит пример: даже в случае, когда виновника несчастий не существует, людям необходимо в них кого-то обвинить. Например, пишет он, несколько веков тому назад в случае тяжелой болезни, считающейся результатом сглаза или колдовства, «...я мог бы пуститься на поиски ведьмы или развернуть охоту на человека, который сглазил мою бедную сестру. А если бы такой виновник был найден, я мог бы убить злодея»⁸. Таким образом, социально-психологический феномен, выражающийся в вере в то, что мир устроен справедливо и люди получают то, что заслуживают, в соответствии со своими личными качествами и поступками (хорошие люди награждаются, а плохие – наказываются), тесно связан с чувством мести. Это чувство, по всей видимости, и является причиной распространности публичных казней в прошлые века. М.Дж. Лернер, изучавший данный феномен, говорит о нем как о когнитивном искажении [8]. Репрессивность общественного сознания основывается не только на страхе перед преступностью (Я.И. Гишинский выделяет репрессивность сознания среднего класса, испытывающего страх утраты своих ценностей, и репрессивность сознания женщин с их страхами за детей и семью)⁹, но и на осознании неэффективности правоохранения и беспомощности правоохранительных органов. Использование государством репрессивного сознания масс для усиления репрессивной практики включает данную проблему в порочный круг, усиливающий производимый наказанием контрпродуктивный негативный эффект.

Психология наказания так или иначе преследует цель мести преступнику. Эта цель реально существует в индивидуальном и в общественном правосознании («возмездие», «воздаяние»), а также в законодательстве, где скрывается за термином «восстановление социальной справедливости». Ничем иным не объяснить, например, существование смертной казни в некоторых странах и условия содержания в местах лишения свободы, далекие от задач исправления, перевоспитания и т. п. Данная цель наказания, как уже было указано, понятна с точки зрения психологии, но, будучи иррациональной, не может лежать в основе правоохранительной работы. Другой целью наказания является предупреждение совершения новых преступлений (частная и общая превенция) через устрашение преступников (в том числе потенциальных), их изоляцию и надежду

⁶ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным ведением. СПб.: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 503 с.

⁷ Таганцев Н.С. Смертная казнь: сборник статей. СПб.: Государственная Типография, 1913. 335 с.

⁸ Кристи Н. Движение жертв на распутье // Индекс. Досье на цензуру. 2009. № 30. С. 15–20.

⁹ Гишинский Я.И. Интолерантность в современной России // Толерантность и интолерантность в современном обществе: сборник материалов конференции СПб.: СПбГУ, 2009. С. 177–182.

на их исправление. Однако, несмотря на огромный массив научно-практического базиса, лежащего в основе уголовно-правовой и пенитенциарной политики, широкий спектр предусмотренных применяемых (и применявшихся ранее) наказаний, преступность продолжает сопровождать существование общества. Более того, наблюдается устойчивый рост числа рецидивных преступлений¹⁰.

До конца XVIII в. психически нездоровых людей держали в цепях и в клетках. Нужно было появиться Ф. Пинелло и его реформе содержания и лечения таких больных, чтобы на них перестали смотреть как на диких животных. Добившись снятия с душевнобольных цепей, введения больничного режима и лечебных процедур, свободы передвижения больных по больничной территории и замены темниц светлыми палатами, он произвел революцию в психиатрии, открыв новую «эпоху Пинеллы», в которой доктрина гуманной и эффективной помощи пришла на смену варварской и контрпродуктивной практике [9]. Подобная необходимость пересмотра фундаментальных основ отношения публичной власти к преступнику и преступности складывается сегодня в уголовно-правовой и пенитенциарной сферах.

Необходимо отметить, что немалую роль в формировании характера карательной политики государства и ее трансформации, оказывающих воздействие на общественное сознание, нередко играли политические и экономические факторы, не имеющие отношения к противодействию преступности и охране правопорядка. Глобальные экономические и политические проекты (строительство городов, создание промышленности, армии и флота, расширение границ государства) требовали значительных людских ресурсов, которые государство черпало в пенитенциарной сфере, будучи, таким образом, заинтересованным в ее расширении¹¹ [10]. Автор полагает излишним подробно останавливаться на том, что подобные цели и задачи наказания, как и в целом «правоохранение» такого рода, несовместимы с деятельностью современного демократического правового государства.

Врожденные «социальные чувства» нуждаются в воспитании; следует признать, что с развитием человеческой цивилизации бессознательные и биологические побуждения уступают место сознанию человека и социальным мотивам. Люди как личности не являются беспомощными носителями своего прошлого опыта, они активны и могут выбирать рациональные, наиболее благоприятные для себя и социума варианты поведения. Важную роль в этом процессе играют интеллект и осознание человеком собственных ценностей и идеалов¹². Так или иначе, в процессе развития государства и права исчезают обычные и повсеместные в прошлом практики кровной мести, публичных казней и калечащих наказаний, удовлетворявшие эмоции и чувство мести потерпевших от преступлений и их родственников.

Даже справедливое (опять же – с чьей точки зрения?) наказание не является благом. С позиции морально-нравственного и психологического подходов любое наказание представляется антиценностью, связанной с поражением, позором, зависимостью, бессилием, бедностью, опасностью и бедой. Иными словами, любое наказание является злом. То, что это зло меньше, чем зло преступления, и направлено на преступника, не меняет его онтологическую сущность.

Уголовное наказание, влекущее за собой судимость, присваивает человеку в глазах общества отрицательные качественные характеристики, в значительной степени отторгая его от возможностей позитивного социального взаимодействия. Причинение вреда человеку с целью удовлетворения эмоций, даже вполне объяснимых и обоснованных, не является рациональным; любая, а особенно законная жестокость, всегда выходит за границы пенитенциарной сферы в широкое общественное поле. По мнению А.Э. Жалинского, наказание является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на общественные отношения [11]. О задаче сокращения вреда от наказаний много и обоснованно говорит Я.И. Гишинский. Он считает, что наказание не выполняет ни одной из возложенных на него функций [12].

Государство, системно применяя наказание, особенно связанное с изоляцией людей от общества, к большому, измеряемому десятками и сотнями тысяч количеству своих граждан неизбежно достигает эффекта популяризации криминальной сферы и соответствующей ей модели поведения. Отсюда увлечение людей (особенно не обладающих устойчивым мировоззрением, убеждением и сформированной ценностно-ориентационной сферой, прежде всего молодежи) тюремной субкультурой: «блатной» романтикой, воровской «этикой», «понятиями» и «кодексом», перенесением тюремного сленга, ценностей и правил тюрьмы в жизнь «на воле». Публичная власть, проводя необоснованно жесткую уголовную политику, неизбежно увеличивает сообщество лиц, занимающих позицию непримиримого противостояния государству и обществу. Широкое влияние криминальной субкультуры на общество неизбежно охватывает людей, которые относятся к властным, в том числе правоохранительным, органам, что делает данный порочный круг по сути неразрывным. Современная действительность изобилует подобными примерами [13; 14].

В связи с изложенным неизбежно актуализируется вопрос о гуманизации наказания, прежде всего о сокращении применения лишения свободы и о приведении условий содержания в местах лишения свободы в соответствие с современными требованиями. Общее влияет на частное так же, как и частное на общее: гуманизация отношений в пределах пенитенциарной системы – это лишь частный случай гуманизации всех социальных отношений. Государство, создающее через право стандарты поведения, должно задавать определенный эталон отношения к человеку, который распространяется на все сферы социальной жизни. И тюрьма здесь не исключение. Любое нарушение стандарта гуманного отношения к человеку неизбежно размывает границы запрета: если принципы рациональности и гуманизма могут быть редуцированы в силу обстоятельств или

¹⁰ Жарких Е.А. *Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания* : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 189 с.

¹¹ Кистяковский А.Ф. *Исследование о смертной казни*. Тула: Автограф, 2000. 272 с.

¹² Адлер А. *Практика и теория индивидуальной психологии*. 2-е изд. М.: Питер, 2003. 248 с.

чьих-либо интересов, значит, они являются фикцией. Жестокость «тюрьмы» в стране, где в пенитенциарных учреждениях постоянно находится несколько сотен человек, неизбежно выплескивается за их пределы и является существенным криминогенным фактором, одной из детерминант жестокости «на воле». На этом подходе, а не на «любви» к преступникам основана идея гуманизации наказаний, в частности отказа от квалифицированных видов смертной казни и все расширяющийся в мире полный запрет на ее применение. Гуманизация – это многофакторный и многосторонний процесс, в котором все стороны диалектически связаны между собой, взаимовлияют друг на друга и взаимообуславливают то или иное взаимоотношение элементов социума между собой.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Существуют и, видимо, всегда будут существовать особо тяжкие (на языке публицистики – чудовищные) преступления, совершенные людьми в отношении других людей, и хорошо понятны чувства потерпевших от них. Жажда отмщения, свойственная человеку, столкнувшемуся с преступлением и ищущему справедливость, понятна. Однако государство и право не может руководствоваться эмоциями, мотивированным стремлением увидеть страдания преступника. Эмоциональная сфера – плохой помощник в регуляции общественных отношений. Разумный наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался впредь¹³.

Общество, государство и публичная власть не могут мстить – следование данной аксиоме права и порождает указанное выше разнообразие формулировок (а также научных работ, доказывающих, что «восстановление социальной справедливости» не имеет отношения к отмщению), наделяющих феномен наказания возвышенными мотивами и человеколюбивыми целями.

Миссия государства и права по отношению к наказанию – не в поиске в наказании пользы и не в совершенствовании этого неизбежного зла, от которого ни одно общество сегодня не в состоянии отказаться, а в его уменьшении, минимизации негативных последствий от него. Основной целью наказания должно стать реальное возмещение причиненного вреда, максимально возможное восстановление нарушенной ценности. Ценности, даже духовные и морально-нравственные, всегда объективны, они не только выражают значимость предмета или явления для человека; они (для цивилизованной части человечества) всегда положительны, связаны с социальным прогрессом и развитием человеческой личности [15].

Государство должно делать все возможное для возмещения вреда, причиненного любым преступным деянием – в этом, как представляется, должна заключаться главная цель уголовного права и уголовного процесса. Само по себе лишение или ограничение прав и свобод лица, виновного в совершении преступления (ст. 43 УК

РФ)¹⁴, не достигает этой цели и не является эффективной превенцией; наоборот, оно способно умножать преступность через передачу криминального опыта и связей в местах лишения свободы. Это обстоятельство требует минимизации количества лиц, находящихся в этих местах. Изоляции от общества должны подлежать лица, совершившие преступления против жизни и здоровья, прежде всего насильственные и тяжкие.

Кардинальное переосмысление должно получить само понятие тюрьмы, которая должна перестать быть нерациональным инструментом возмездия, где преступник должен страдать в «воздаяние» страданий его жертв. По мнению Я.И. Гилинского, лишение свободы (доля которого в количестве наказаний сегодня превышает 50 %), должно быть сведено к минимуму и применяться, как правило, лишь за насильственные преступления против личности и только в отношении совершеннолетних. Сроки лишения свободы не должны превышать 2–3 лет; более длительные сроки лишения свободы должны применяться не с целью собственно наказания, поскольку в этом случае оно не исправляет, а, наоборот, ожесточает индивида, а с целью его изоляции, если он представляет опасность для общества. Тюрьма вряд ли может быть местом, где преступник может исправиться, поскольку эта цель в лучшем случае недостижима, а в худшем – тюрьма в ее нынешнем виде способствует приобретению и совершенствованию криминальных навыков [16]. Само лишение свободы не должно носить репрессивный характер, а должно быть направлено на ресоциализацию осужденных, повышение их образовательного и профессионального уровня [17].

Изоляция индивидов, которые в силу совершенных ими деяний представляют опасность для общества, может отличаться от применяемой ныне изоляции прежде всего своей целью: не за совершение преступления, а для несовершения преступления в будущем. Отсюда меняется круг лиц, которые должны подвергаться изоляции: прежде всего это лица, совершившие насильственные преступления против личности, половой неприкосновенности и общественной безопасности. Изоляция лиц, виновных в совершении иных преступлений (в сфере экономики, экологии, порядка управления и т. п.), нерациональна и поэтому вряд ли необходима. Действительно, какую опасность для общества представляет, например, избалованный коррупционер, отстраненный от прежнего доступа к коррупциогенным возможностям, кратно возместивший причиненный ущерб и находящийся под надзором правоохранительных органов? Лишение свободы по отношению к нему бессмысленно, задача его исправления не только труднодостижима, но и неактуальна, поскольку впредь такое лицо уже не может быть допущено к работе, связанной с коррупционными рисками.

Наконец, новый подход к изоляции преступников, отрицающий элементы мести (в том числе в формулировке «восстановление социальной справедливости»), позволяет говорить о новых, соответствующих современным

¹³ Платон. *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.*

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации. *Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 6.04.2024 г. № 79-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.*

условиях содержания осужденных лиц. Сегодня неблагоприятные условия в местах лишения свободы являются законодательно установленной режимной мерой. Автор, проходивший в свое время службу в должности начальника кафедры уголовно-исполнительного права, пенитенциарной педагогики и пенитенциарной психологии в учебном заведении ФСИН России, не понаслышке знает, что неудовлетворительность бытовых условий, сознательно отягчаемая нерациональными ограничениями (в использовании денег на счету, получении посылок, передач, свиданий с родственниками и т. д.), способствует не исправлению и ресоциализации преступника, а, наоборот, озлоблению и формированию устойчивой криминальной модели поведения.

Наказание должно значительно поменять свою сущность. Нерационально и бессмысленно создавать лицу, в исправлении которого общество нуждается, неблагоприятные условия в виде физического и психического воздействия, лишения его свободы, разрыве социальных (прежде всего семейных) связей, создании бытовых неудобств, ограничения в питании и т. п. – т. е. всех тех мер, которые сегодня составляют существо режима в пенитенциарных учреждениях. Крайне дорогостоящие усилия государства по воплощению в социальную практику идеи уголовной репрессии должны уступить место действиям, направленным на: а) восстановление нарушенного права (ценности, блага), б) устранение условий, повышающих вероятность рецидива подобного деяния, в том числе путем изоляции от общества индивидов, представляющих опасность, если иные способы не являются эффективными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наказание, пройдя свои исторические интерпретации в виде мести, талиона, кары, возмездия, воздаяния, восстановления социальной справедливости, меняло лишь внешнюю форму своей иррациональной сущности. Современная система уголовного правосудия должна наконец развернуться от преступника и причинения ему вреда к потерпевшему, к наиболее полной защите его интересов и восстановлению его прав. Концепция восстановительного правосудия, долгое время находящаяся на периферии уголовного права (а то и отрицавшаяся его теорией), должна занять в данной сфере центральное место. Этот разворот законодательства и правоприменения от мифологизации уголовно-правовой сферы в сторону ее рационализации должен начинаться с изменения философии и идеологии наказания, трансформации сознания общества, в первую очередь его передовой (в данной сфере) части: законодателей, прокурорских работников, судей и других представителей правоохранительных органов. На пути рационализации и гуманизации наказания общество, прежде всего его властные элиты, должны руководствоваться не эмоциями и тем более не политическими и экономическими соображениями, а строгим рациональным расчетом. Возмездие и воздаяние, которые являются, по существу, понятиями, используемыми для семантической маскировки мести, наносят обществу вреда не меньше, чем осужденному. Над предложениями по минимизации этого эффекта и практики, опирающейся на эмоции и благие намерения («исправле-

ние», «частная и общая превенция» и пр.), должны работать юристы, криминологи, социологи, психологи. Законодатель же обязан учитывать новейшие достижения правовой мысли и юридической науки в процессе законотворчества.

Современное понимание назначения и функций публичной власти связано с гармонизацией общественных отношений, а значит, деятельность государства должна быть направлена на сокращение зла не только от совершаемых преступлений, но и от применения наказаний. Неэффективные, нерациональные наказания, не направленные на возмещение вреда, служащие цели удовлетворения эмоций и древних инстинктов мести, должны быть исключены из арсенала уголовно-правовых средств. Сила легального принуждения, освобожденная от догматики прошлого и направленная на достижение рациональной цели, должна быть разумной, обоснованной и экономичной. Это актуализирует задачу дальнейшего исследования криминологического предупреждения преступлений в определенных социальных группах и сферах общественной жизни, а также индивидуальной профилактики, в том числе уголовно-исполнительными, пенитенциарными и постпенитенциарными средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Г.А. Социальные образования и преступность: криминологические рассуждения и заметки. М.: ЮНИТИ, 2011. 239 с.
2. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. 216 с.
3. Голлик Ю.В. Преступление и наказание: что нас ждёт? // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4. С. 61–63. EDN: [YFZZUZ](#).
4. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4-х т. Т. 2. Уголовное право. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 590 с.
5. Коробеев А.И., Комиссаров В.С., Рагог А.И. Учение о наказании в уголовном праве России. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2011. 316 с.
6. Уразбаев Р.Ш. Условное осуждение: наказание или освобождение от наказания? // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С. 91–99. EDN: [ZNLGTZ](#).
7. Горбунова М.Ю. Эмоции общества в контексте социально-экономических трансформаций // Социум и власть. 2012. № 4. С. 11–17. EDN: [PJOZCJ](#).
8. Lerner M.J. The Belief in a Just World A Fundamental Delusion. New York: Springer, 1980. 209 p.
9. Muijen M. Challenges for psychiatry: delivering the Mental Health Declaration for Europe // World Psychiatry. 2006. № 2. P. 113–117.
10. Федотова И.Н. Лагерная экономика в СССР: к историографии вопроса об эффективности принудительного труда // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 4. С. 555–576. DOI: [10.17150/2308-2488.2020.21\(4\).555-576](#).
11. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 400 с.
12. Гишинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.

13. Российская организованная преступность: новая угроза? / под ред. Ф. Вильямса. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. 285 с.
14. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2012. 152 с.
15. Неновски Н. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987. 248 с.
16. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 76–84. DOI: [10.31857/S013216250019611-5](https://doi.org/10.31857/S013216250019611-5).
17. Антонченко В.В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 139–146. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18](https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18).
7. Gorbunova M.Yu. Emotions of the society in the context of social and economical transformation. *Sotsium i vlast*, 2012, no. 4, pp. 11–17. EDN: [BJOZCJ](https://www.edn.ru/BJOZCJ).
8. Lerner M.J. *The Belief in a Just World A Fundamental Delusion*. New York, Springer Publ., 1980. 209 p.
9. Muijen M. Challenges for psychiatry: delivering the Mental Health Declaration for Europe. *World Psychiatry*, 2006, no. 2, pp. 113–117.
10. Fedotova I.N. The camp economy in the USSR: on historiography of forced labor efficiency. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 555–576. DOI: [10.17150/2308-2488.2020.21\(4\).555-576](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2020.21(4).555-576).
11. Zhalinskiy A.E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumentalnyy analiz* [Criminal law in expectation of changes: theoretic-instrumental analysis]. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 400 p.
12. Gilinskiy Ya.I. *Kriminologiya i deviantologiya postmoderna* [Criminology and deviance study of post-modernity]. Sankt Petersburg, Aleteyya Publ., 2024. 242 p.
13. Vilyams F., ed. *Rossiyskaya organizovannaya prestupnost: novaya ugroza?* [Russian organized crime: the new threat]. Moscow, KRON-PRESS Publ., 2000. 285 p.
14. Aleksandrov Yu.K. *Ocherki kriminalnoy subkultury* [Essays of criminal subculture]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2012. 152 p.
15. Nenovski N. *Pravo i tsennosti* [Law and values]. Moscow, Progress Publ., 1987. 248 p.
16. Gilinskiy Ya.I. Postmodern criminology about crime and punishment. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, no. 4, pp. 76–84. DOI: [10.31857/S013216250019611-5](https://doi.org/10.31857/S013216250019611-5).
17. Antonchenko V.V. Inefficiency as a basic property of the current criminal punishment. *Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 139–146. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18](https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18).

REFERENCES

Punishment and the concept of restorative justice in criminal law

© 2024

Vadim V. Antonchenko, PhD (Law), Associate Professor,

assistant professor of Chair of Humanities and Social and Economic Disciplines

Far-Eastern Fire and Rescue Academy –

Branch of Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Vladivostok (Russia)

E-mail: dvpsa@igps.ru,
antovadim@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

Received 24.04.2024

Accepted 21.05.2024

Abstract: The relevance of the study is caused by the necessity for further increment of scientific knowledge on the issues of fighting crime by means of criminal law, as well as by the importance of understanding the essence of criminal punishment, which has a complex and contradictory nature manifested in the deprivation or restriction of the rights and freedoms of a person found guilty of committing a crime. The purpose of the work is to search for the most rational properties of punishment that can have a positive impact on quantitative and qualitative indicators of criminality. Causing adverse consequences to an offender is based on the practice of revenge, which has historically developed throughout the existence of human civilization, based on the irrational properties of the emotional sphere of a person. These properties of punishment inevitably penetrate beyond the penitentiary sphere and affect the entire society. Today, domestic criminal policy does not help reduce crime; on the contrary, by increasing the number of crimes and convicted for them (through the criminalization of acts) and worsening the quality indicators of criminality (through the widespread use of imprisonment

contributing to the society dehumanization and the criminal sphere professionalization), it complicates the criminal situation. The humanization of “prison” relations could become a significant factor in the general preventive impact on criminality. The author believes that the efforts of the law enforcement system of the state should not be aimed at revenge, even if it receives ennobled connotations in the terms “retaliation”, “retribution”, but at compensating for the harm caused by the crime and at isolating an individual who, by virtue of the committed act, brings a public danger. This approach is inevitably associated with the humanization of criminal legal relations and the rationalization of punishment, which are necessary for society no less than for individuals punished for committing crimes.

Keywords: criminal punishment; restorative justice; criminal law; retaliation; crime; compensation for harm; punishment humanization.

For citation: Antonchenko V.V. Punishment and the concept of restorative justice in criminal law. *Jus strictum*, 2024, no. 2, pp. 11–18. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-2-11-18.